

М.И. Перельман,
 академик РАМН, профессор

Н.И. ПИРОГОВ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Обсуждается значение Н.И. Пирогова в становлении современного медицинского образования.

Ключевые слова: Н.И. Пирогов, медицинское образование, хирургия.

Role of N.I. Pirogov in development of modern medical education is discussed.

Keywords: N.I. Pirogov, medical education, surgery.

В начале 50-х годов прошлого столетия мне довелось работать в должности ассистента на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии 1-го Московского медицинского института. Заведовал этой кафедрой академик АМН СССР В. В. Кованов. Он любил историю медицины и развивал научное наследие Н. И. Пирогова. Как раз в это время шла интенсивная подготовка к изданию собрания сочинений Пирогова в 8 томах. Ответственным редактором был И. Г. Руфанов. С ответственным секретарем издания А. М. Геселевичем, а также с активными участниками подготовки к изданию трудов Пирогова сотрудниками кафедры Д. Н. Лубоцким и Ю. М. Бомашем я был близко знаком лично. Получив предложение о подготовке данной статьи, я под несколько другим углом зрения посмотрел на давно вышедшие в свет 8 толстых тяжелых томов в синих переплетах.

Пирогов – не только выдающийся клинический и военно-полевой хирург, феноменальный анатом. Одновременно он был физиологом-экспериментатором, патологом, судебным медиком, воспитателем, общественным деятелем, педагогом и реформатором образования. Основные предпосылки такой многогранной деятельности – врожденный талант, достаточно крепкое здоровье, трудолюбие и исключительная работоспособность.

В выборе Пироговым будущей специальности определенную роль сыграл известный московский врач Ефрем Осипович Мухин. Его в то время считали одним из лучших практиков в Москве. Мухин успешно лечил старшего брата Николая Пирогова, и визит знаменитого доктора произвел на мальчика сильное впечатление. Через некоторое время после выздоровления брата Николай стал играть в лекаря. Он укла-

дывал в кровать одного из членов семьи, принимал важную осанку доктора, щупал пульс, осматривал язык, давал совет, а затем прощался и гордо выходил из комнаты. Игра в лекаря так полюбилась Пирогову, что даже в университете он нередко потешал молодых людей, которые учились вместе с ним, виденным во время хирургической операции.

При рассмотрении роли Пирогова в совершенствовании медицинского образования целесообразно остановиться на нескольких сторонах его развития и многогранной деятельности.

Родной язык и иностранные языки

Для собственного образования, совершенствования в специальностях, научной и педагогической работе, положения в обществе важнейшее значение имело хорошее знание Пироговым нескольких иностранных языков.

До поступления в частную школу – известный в Москве пансионат В. С. Кряжева – Пирогов с учителями наравне с русским изучал латинский и французский языки, а затем в пансионате немецкий и английский. При этом он с детства был воспитан в духе приоритета родного языка и критически относился к распространению французской речи среди высших слоев российского общества. «Говорить детям и не детям одной народности между собою на иностранном языке, без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения – это, по-моему, верх нелепости, – писал он. – Да, я считаю позором для нас, русских, что наши родители, воспитатели и само правительство поощряли эту паскудную, пошлую и вредную меру».

Заведующий кафедрой фтизиопульмонологии Первого московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, (495) 681 75 66

Автор этой статьи – хирург с многолетним стажем, поэтому, как и у всех хирургов, имя и личность Николая Ивановича Пирогова у него давно и прочно связаны с хирургией.

Иное дело – латинский язык, на котором в то время почти все ученые и передовые люди разных наций и мыслили, и писали, и говорили. О степени знания латинского языка Пироговым дает представление фраза в «Дневнике старого врача»: «Впоследствии, познакомившись несколько с римскими классиками, я один, без руководителя, с наслаждением читал их».

Знаменитые «Начала общей военно-полевой хирургии» были впервые изданы в 1864 г. в Германии на немецком языке. Через год, в 1865 г., Пирогов решил издать эту книгу и для русских врачей. «Это не есть перевод с немецкого, – писал он. – С моей стороны было бы непорочно предлагать соотечественникам перевод, сделанный мною, и моей же книги. Напротив, «Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie» есть перевод с русского. Материалы и все данные были составлены по-русски».

В общем же, считал Пирогов, только гениальные люди, и то в исключительных случаях, могут думать и излагать свои мысли на чужом языке так же полно, глубокомысленно и ясно, как на своем родном. Например, Пушкин, говоривший и писавший по-французски не хуже прирдного француза, был бы, по мнению Пирогова, плохим французским поэтом.

Перед окончательным утверждением для подготовки к будущей профессорской деятельности и поездки в Дерпт декан медицинского факультета Московского императорского университета Е. О. Мухин подверг Пирогова оригинальному испытанию. Ведь профессору необходимо иметь громкий голос и хорошие дыхательные органы! «За неимением в то время спирометров и полного незнакомства экзаменаторов с аускультацией и перкуссией, – пишет Пирогов, – Ефрем Осипович заставил меня громко и не переводя духа прочесть какой-то длиннейший период в изданной им физиологии Ленгоссека, что я и исполнил вполне удовлетворительно».

Роль университетской подготовки

Студент и затем лекарь Пирогов учился в университетах – Московском и затем Дерптском. Именно университетская подготовка обеспечила глубокое понимание им роли основных медицинских дисциплин. Наиболее важными из них он считал анатомию, в том числе анатомию патологическую, физиологию и фармакологию.

После окончания так называемого профессорского факультета в Дерптском университете 23-летний Пирогов посетил Берлин – крупный центр западноевропейской науки. Здесь его поразил отрыв практической медицины от ее основ – анатомии и физиологии. Они, то есть анатомия и физиология, были сами по себе, а медицина – тоже сама по себе. Терапевты не знали теоретических основ медицины, а умелые, ловкие и опытные хирурги с громкими именами – Руст, Грефе, Диффенбах – не знали анатомии. Грефе при больших операциях приглашал профессора анатомии Шлемма и справлялся у него: «Не проходит ли здесь ствол или ветвь артерии?» Вскрытия сами берлинские профессора в то время не делали и не присутствовали при них. Впрочем, отмечал Пирогов в севастополь-

ских письмах и воспоминаниях, «присутствие их там ни к чему бы ни повело при их полном незнании патологической анатомии».

Пирогов сделал изучение базовых медицинских дисциплин – анатомии и физиологии – основой высшего медицинского образования.

Учиться и учить

Во время учебы в Московском университете Пирогов ни разу не упражнялся на мертвых телах, не вскрыл ни одного трупа и довольствовался только тем, что видел пригтовленным и выставленным после лекций популярного анатома Лодера.

Пирогов с юмором описывает весть, которая разнеслась в их «10-м нумере» общежития студентов Московского университета: будто бы в Петербурге министр просвещения и духовных дел Голицын хочет запретить вскрытие трупов.

«Послал, говорят, во все университеты вопрос: нельзя ли обойтись без трупов или заменить их чем-нибудь?»

– Да чем тут заменишь?

– Известно, ничем, – так ему и ответят.

– Толкуй! А не хочешь картинками или платками?

– Сказывают, так делается. Профессор-то анатомии привяжет один конец платка к лопатке, а другой – к плечевой кости, да и тянет за него. Вот, говорит, посмотрите: это *deltoideus*.

Дружный хохот. Кто-то плюнул с остервенением».

После начала занятий в Дерптском университете Пирогов почувствовал потребность узнавать новое из собственного опыта, наглядно, а вскоре у него появилось желание учить других, постепенно возникли любовь и даже зуд к преподаванию. В последующем для пропаганды своих взглядов он использовал все возможные средства – лекции, доклады, личные письма, беседы, показ операций, свой врачебный кружок. Со временем Пирогова стали называть учителем российских врачей.

В годы работы в университете утренние часы Пирогов проводил в клинике и амбулатории. Ежедневно не менее часа он преподавал оперативную хирургию, а затем читал часовую лекцию по клинической хирургии. Через семестр читал курс лекций в профессорском институте по хирургии и офтальмологии. Суммарно в университете Пирогов ежедневно проводил 8 часов и более, еще 8 часов – в анатомическом театре. Во время занятий в анатомическом театре по оперативной хирургии он требовал от студентов называть вслух анатомические образования, которые те рассекали и видели в ране.

Сам Пирогов и руководимые им студенты в Дерпте широко экспериментировали на животных. Многие такие эксперименты не были оправданы необходимостью и отличались явной жестокостью. В последующем умудренный жизнью Пирогов критически относился к ним и считал нужным внести изменения в практику экспериментов на животных.

В 1835 г., когда Пирогову было 25 лет, он по дороге из Германии в Россию заболел тифом и в тяжелом состоянии был помещен в Рижский госпиталь. После улучшения

ния состояния он, оставшись на некоторое время в Риге, прочел курс лекций для врачей госпиталя по топографической анатомии и оперативной хирургии. Затем, до назначения на кафедру в Дерпт, Николай Иванович читал курс лекций по просьбе врачей в Обуховской больнице Санкт-Петербурга. Лекции университетских профессоров были событием и подпадали под контроль высших инстанций. Медицинское начальство считало необходимым испросить на лекции Пирогова разрешение самого императора. Сам же Николай Иванович отмечал, что «в русском царстве нельзя, бывало, прочесть и курса анатомии при госпитале, не доведя об этом до сведения главы государства». По просьбе лейб-медика Н. Ф. Арндта разрешение государя императора на лекции Пирогова было получено с впечатляющей оговоркой, «чтобы для демонстраций употреблять трупы только тех больных, к которым при жизни не являлись никакие родственники в больницу».

В клинике Пирогов всегда привлекал студентов к обсуждению состояния больного. Во время и после обходов он настойчиво выявлял мнение студентов о диагнозе и плане лечения, пытаясь развить у них клиническое мышление и внимательность. При этом Николай Иванович глубоко сожалел, что в свое время «культурой его внимательности никто не думал заниматься». Большое значение он придавал наглядности преподавания, но подчеркивал, что «слово может еще заменить наглядность, но одна наглядность никогда не заменит слова».

Чтение руководств по хирургии для молодых врачей Пирогов считал недостаточным. Он полагал, что им не следует читать только выдающиеся произведения «наших матадоров». Картины Рафаэля не годятся начинающему для подражания, ему следует сперва пережить повседневное, обыденное, с его плохими и хорошими сторонами.

Наиболее трудной задачей врачебного искусства в понимании Пирогова является правильное применение наставлений. Однако этого можно достичь только при тщательном изучении ошибок в практической медицине. Основная трудность в том, чтобы «надлежащим образом применить в каждом отдельном случае принципы, уже признанные достоверными». Ну чем не доказательная медицина?!

Самокритика и критика

Предисловие 26-летнего профессора Пирогова к немецкому изданию «Анналов хирургического отделения клиники императорского университета в Дерпте» представляет исключительный интерес. Оно совершенно необычно. В этом предисловии Пирогов, руководивший клиникой только один год, представил свое кредо и написал историческую, многократно цитированную фразу: «Я считал даже своим священным долгом откровенно рассказать обществу о своей врачебной деятельности и ее результатах, так как каждый добросовестный человек, особенно преподаватель, должен иметь своего рода внутреннюю потребность возможно скорее обнародовать свои ошибки, чтобы предостеречь от них других людей, менее

сведущих». Скрытие ошибок от своих учеников Пирогов считал недопустимым, так как основным качеством учителя медицины, кроме знаний и опыта, должна быть добросовестность. Приобретается она только трудным искусством самосознания, самообладания и знания человеческой натуры.

Начинающий врач, по Пирогову, должен ошибаться и еще раз ошибаться, прежде чем достигнет полезного результата. Если здравый смысл учит нас избегать ошибок и если упрямый опыт, напротив, подтверждает, что ошибки неизбежны, беспристрастный пересказ фактов из уст человека, впервые вступившего на путь врачебной практики, будет прямо показывать, как избежать ошибок и где ошибки неизбежны.

Через два года в предисловии ко второму выпуску «Анналов...» Николай Иванович повторил свое утверждение о том, что «мы должны ошибаться».

Методом, который может значительно улучшить результаты клинической практики и подготовки будущих врачей, Пирогов считал самокритику и критику. На своем портрете, который ему подарили благодарные студенты, он написал: «Мое искреннейшее желание, чтобы мои ученики относились ко мне с критикой. Моя цель будет достигнута только тогда, когда они убедятся в том, что я действую последовательно. Действую ли я правильно? Это смогут доказать только время и опыт».

Естественно, что открытое признание своих ошибок Пироговым у большей части профессуры вызывало, мягко говоря, недоумение, у некоторых – возмущение и лишь у немногих – глубокое уважение.

Позже в письме лейб-хирургу Н. Ф. Арндту Пирогов повторил: «С самого начала моего врачебного поприща я принял за правило: не скрывать ни моих заблуждений, ни моих неудач, и я доказал это, обнародовав все мои ошибки и неудачи, и, чистый перед судом моей совести, я смело вызываю мне показать: когда и где я утаил хотя одну мою ошибку, хотя одну мою неудачу?» Отдельные призывы следовать примеру Пирогова в открытом признании своих ошибок были. Так, например, историк медицины Б. Д. Петров ссылается на вступительную лекцию профессора Ф. С. Цицурина в Киевском университете (1845 г.). В этой лекции содержался призыв к молодым врачам сопоставлять данные клинических обследований с данными вскрытия и критически оценивать свою деятельность, «следуя в этом отношении господину Пирогову». По сути дела, речь шла о клинко-анатомических конференциях. Но после Пирогова потребовались еще около 100 лет, чтобы в Москве по инициативе патологоанатома И. В. Давыдовского в больнице им. Медсантруд (ныне клиническая больница №23) была проведена первая клинко-анатомическая конференция. Еще 5 лет ушло на административное отражение не только целесообразности, но и необходимости клинко-анатомических конференций, и лишь в 1952 г. последовал приказ МЗ СССР с положением о клинко-анатомических конференциях. Кстати, во время заседания Ученого совета Первого Московского медицинского университета в июне 2010 г. академик РАМН В. Т. Ивашкин среди ближайших

важных задач справедливо и образно подчеркнул необходимость восстановления нарушенной практики регулярных клинико-анатомических конференций.

К взглядам молодого Пирогова в отношении врачебных ошибок с современных позиций нельзя относиться однозначно. С одной стороны, безусловная профессиональная и педагогическая польза от признания и критического разбора врачебных ошибок. С другой – изменение отношения к фатальной неизбежности ошибок в условиях многопрофильных учреждений с высокими технологиями и врачебными консилиумами. Возможность минимизации риска ошибок в этих условиях подтверждена опытом бывшего 4-го управления МЗ СССР в период руководства управлением Е.И. Чазова. Наконец, всем понятен житейский риск публичного признания врачебных ошибок в связи с возможными административными и юридическими последствиями. Во всяком случае, мне в течение многих десятилетий практической работы не удалось видеть хотя бы одного хирурга или врача другой специальности, который бы точно следовал идеалам Пирогова.

Организация клинической работы

Тормозом к переводу Пирогова из Дерпта в Петербург, в Медико-хирургическую академию, было отсутствие четкого разграничения полномочий, прав и обязанностей профессора кафедры и главного врача клинической базы – второго Военно-сухопутного госпиталя. Имевшийся опыт подсказывал Пирогову, что ординарный профессор кафедры одновременно должен быть руководителем клиники. Поэтому только после выработки четкой инструкции, согласно которой главный врач госпиталя не имел права вмешиваться в лечение больных, изменять назначения, ограничивать выписку лекарств, 18 января 1841 г. в возрасте 30 лет Николай Иванович Пирогов был назначен «ординарным профессором госпитальной хирургии, патологической и хирургической анатомии и главным врачом хирургического отделения при втором Военно-сухопутном госпитале».

Прямым следствием требований Пирогова был быстро распространившийся принцип одновременного исполнения заведующими клиническими кафедрами роли директоров клиник. Там, где единого руководства педагогической и лечебной работой не было, систематически возникали беспорядки и конфликты. С этих позиций восстановление пироговского принципа в Первом Московском медицинском университете безусловно является прогрессивным.

Реформы в образовании

Крупными организационными вопросами в высшем образовании, которыми занимался Пирогов, были следующие.

Организация госпитальной клиники (1841).

Организация Анатомического института (1846).

Подготовка к открытию кафедры патологической анатомии (1849).

Борьба за открытие Новороссийского университета с медицинским факультетом в Одессе (1857).

В 1946 г. конференция Медико-хирургической академии по инициативе, настойчивым предложениям и в соответствии с предложенной программой Пирогова вынесла решение о создании первого в мире Анатомического института. Опыта работы таких институтов не было, и для него установили своеобразный испытательный, или контрольный, срок.

Пирогов считал, что главная цель создания такого института – улучшение организации и условий для проведения практических занятий со студентами и врачами на трупах по хирургической анатомии, оперативной хирургии и патологической анатомии. В «Практическо-анатомическом отделении», как говорилось в положении об институте, считалось нужным «доставить учащимся в здешней академии сколько можно более средств к практическому изучению анатомии и к самостоятельному образованию в различных частях этой науки (в анатомии физиологической, хирургической и сравнительной) и в экспериментальной физиологии». Таким образом, закладывались основы будущего прогрессивного анатомо-физиологического направления в хирургии. Вторая цель – создание анатомического музея для большей наглядности преподавания и усвоения предмета, третья – организация экспериментальных исследований на животных, а четвертая – подготовка преподавателей и прозекторов как для академии, так и для других образовательных учреждений России. Все эти цели были достигнуты.

После открытия Анатомического института Пирогов читал для студентов 5-го курса лекции по патологической анатомии. Их посещали, как писал А. Таренецкий, также врачи, художники, военные и даже дамы. Патологоанатомические вскрытия, включенные Пироговым в курс обучения студентов, были введены в учебную программу медицинских факультетов. Затем в Московском университете, а несколько позже и в Медико-хирургической академии были открыты самостоятельные кафедры патологической анатомии.

В 1856 г. в журнале «Морской сборник» Н. И. Пирогов опубликовал уже давно написанную статью под названием «Вопросы жизни». В ней на основе многолетнего опыта общения со студентами остро поставлены актуальные вопросы воспитания и обучения молодежи. До специального образования молодой человек должен получить «общечеловеческое» образование. «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! – писал Пирогов. – Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы. А главное, у вас будут люди и граждане».

Заслуги хирурга Пирогова в сфере образования признавали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, В. Г. Короленко, историки педагогической науки, другие прогрессивные деятели российского общества того времени. Н. А. Добролюбов отмечал, что «если бы от Пирогова остались только его педагогические сочинения – он навсегда бы остался в истории науки». К. Д. Ушинский был убежден в педагогических способностях и наклонностях знаменитого хирурга, а Л. Н. Модзалевский отмечал его высокие человеческие качества, простоту и глубину.

Пирогов считал необходимым дать врачу в первую очередь общее образование и общее понимание патологических процессов. В этом отношении очень наглядны его мысли в «Началах общей военно-полевой хирургии»: «Так, начинающий может еще лечить раненых, не зная хорошо ни головных, ни грудных, ни брюшных ран. Но практически его деятельность будет более чем ненадежна, если он себе не осмыслил значения травматических сотрясений, напряжения, давления, общей окоченелости, местной асфиксии и нарушения органической целостности».

Для проведения в жизнь многих важных предложений Пирогова в плане совершенствования медицинского образования имело значение его членство в медицинской комиссии при Министерстве народного просвещения «по преобразованию медицинской учебной части в университетах». Председателем этой комиссии был лейб-медик императрицы М. А. Маркус, а Пирогов – одним из четырех ее членов.

В работе комиссии важное место занял пересмотр положения об экзамене на медицинские степени. Вместо ранее имевшихся шести степеней были приняты три: лекарь, доктор медицины и доктор медицины и хирургии. Пирогов настоял, чтобы экзаменующимся вместо отметок по пятибалльной системе ставили только две – достоин степени или нет. Он также предложил, и комиссия с этим единогласно согласилась, «демонстративные» экзамены по анатомии, терапии и хирургии. Наконец, комиссия одобрила предложение Николая Ивановича по созданию новых кафедр – госпитальной хирургии и госпитальной терапии. Вначале студент изучает стандарт болезни, а затем в госпитальной клинике – многообразные лица болезни у разных индивидуумов с использованием знаний, уже приобретенных в процессе обучения.

Создание госпитальных кафедр и клиник, уже осуществленное в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, было утверждено Министерством народного просвещения для всех российских университетов, а в 1847 г. коллега Пирогова по Дерптскому университету Ф. И. Иноземцев обосновал и осуществил в Московском университете выделение кафедр факультетской хирургии и оперативной хирургии с топографической анатомией. Кстати, предпринятая уже нашими современниками попытка обосновать и ликвидировать выделение госпитальных и факультетских кафедр и клиник оказалась несостоятельной. Вскоре все вернулось к пироговским принципам.

Попечительская деятельность

После отставки и ухода из Медико-хирургической академии кандидатура Пирогова обсуждалась в плане занятия им должности попечителя Одесского учебного округа. При этом Николай Иванович выставил жесткое условие: он займет эту должность только в случае, если представленная им программа действий будет принята министром народного просвещения. Министр А. С. Норов с программой согласился, и в 1856 г. Пирогов занял попечительскую должность.

После ознакомления с состоянием образования в округе он представил министру состояние и план преобразования учебных заведений. Николай Иванович особо настаивал на реорганизации одесского Ришельевского лицея в университет и изменении направления газеты «Одесский вестник». Однако отсутствие контакта с местным начальством, в частности с генерал-губернатором А. Г. Строгановым, привело к тому, что Пирогов был переведен на аналогичную должность в другой округ – из Одессы в Киев.

В Киеве Николай Иванович занялся вопросами усовершенствования педагогов, порядком работы педагогических советов, организацией воскресных школ. По вопросу о телесных наказаниях в школах Пирогов организовал специальный комитет и запросил мнение директоров гимназий Киевского учебного округа. Большинство высказались за сохранение телесных наказаний. В итоге Пирогов подписал циркуляр, согласно которому телесные наказания сохранялись, но ограничивались.

Деятельность Н. И. Пирогова в Киеве осложнялась тем, что он твердо отстаивал свой принцип, согласно которому попечитель «обязан оказывать на учащихся и учащихся одно лишь нравственное влияние и быть хранителем закона в университете». Он не желал «разыгрывать роль полицмейстера, поставленного в зависимость от местных начальств края и от различных внешних случайных обстоятельств». Первоначально хорошие отношения с киевским генерал-губернатором князем А. И. Васильчиковым испортились, и вскоре император Александр II подписал указ об отставке 50-летнего Пирогова «по расстроенному здоровью». В своей прощальной речи Николай Иванович сказал: «Учение и распространение научных истин я считал за священнодействие и глубоко уважал истинных наставников. Но и в слабых я чтит человеческое достоинство и личность. В молодых людях я любил и уважал молодость, потому что хорошо помню свою». Из Киева Пирогов уехал под Винницу в купленное им имение Вишня.

Стремясь к продолжению активной деятельности, в 1859 г. Николай Иванович обратился к министру народного просвещения с просьбой дать ему новое поручение: «Мне можно было бы поручить руководство молодых ученых, посылаемых за границу для приготовления к занятию профессорских кафедр. Я знаю из опыта, как часто они блуждают, теряя много времени и не зная с первого раза, как распорядиться своими занятиями. Я мог бы находиться в постоянном сношении со всеми заграничными педагогами. Я не могу понять, почему Министерство народного просвещения до сих пор не имеет такого постоянного корреспондента и наблюдателя за ходом просвещения за границей». Министр с предложением согласился, а Пирогов заверил, что свой долг исполнит «по совести и по крайнему разумению».

С июня 1862 по 1866 г. Н. И. Пирогов жил в Германии. Сначала он поселился в Гайдельберге, а затем переехал в Берлин. За четыре года больше 100 ученых – представителей различных специальностей – были отправлены за границу под его опеку. Молодые ученые, которых го-

товили руководить кафедрами в российских университетах, совершенствовали свои знания в избранной науке. Пирогов же с его отличным знанием немецкого языка и при широком знакомстве с ученым миром эффективно руководил работой восстановленного профессорского института. Он ездил по университетским городам, знакомился с профессорами и своими соотечественниками, помогал избирать темы исследований, научных руководителей, разрабатывать программы занятий. При содействии Николая Ивановича кандидаты в профессора вскладчину выписывали из России книги, журналы, газеты и организовали в Гейдельберге клуб-читальню. В своей квартире Пирогов устраивал «субботы», где обсуждались разные злободневные вопросы.

В одном из своих многочисленных «писем из Гейдельберга» он просил отменить предписание министерства об обязательном личном представлении ему каждого кандидата. «Мне кажется, – писал он, – что эта мера стесняет их значительно, и именно тех из них, которые поселились уже в Берлине, Вене и Париже, так как нарочно приезжать оттуда в Гейдельберг обходится им довольно дорого. Я бы желал на первое время знать только о месте их пребывания и получить от них письменно извещение о плане их научных занятий. Со временем я уже буду иметь случай тем или другим способом познакомиться с ними лично». Особенно интересовал Пирогова вопрос, «насколько кандидаты в состоянии воспользоваться европейской наукой и в состоянии будут перенести ее с успехом на нашу почву». Николай Иванович считал крайне необходимым, чтобы будущие ученые нашли для себя то научное направление, которое в дальнейшем можно было бы развивать в российских университетах.

Среди ученых, которых опекал Пирогов, был будущий нобелевский лауреат по физиологии и медицине И. И. Мечников. Вначале он не имел государственной поддержки и обратился за помощью к Пирогову, который высоко оценил способности Мечникова и направил в министерство прошение о назначении ему стипендии, как «заслуживающему живейшего сочувствия и поощрения». «Благодаря Николаю Ивановичу, – писал Мечников, – я получил возможность спокойно предаться научной работе... Пирогов выказал себя не начальником, а добрейшим руководителем, симпатичный характер которого запомнился у меня на всю жизнь».

В апреле 1865 г. Николай Иванович обратился в Министерство народного просвещения с предложением наградить российскими орденами немецких ученых, создавших должные условия для занятий его подопечных. «Такое награждение, – считал Пирогов, – принесет несомненную пользу и нашим кандидатам, да и вообще русским, посещавшим Германию с научной целью. Оно возбудит немецких ученых... обратить более внимания на наших молодых людей». Николай Иванович дал краткую характеристику научной деятельности каждого профессора, отметив его отношение к России. В итоге по его ходатайству были награждены больше 30 немецких ученых – представителей разных отраслей знаний.

После убийства императора Александра II в марте 1881 г. российские ученые из Германии были отозваны, и Пирогов вновь уехал в Вишню.

О чести и достоинстве

В жизни Николая Ивановича Пирогова было много моментов и эпизодов, когда он в достаточно резкой форме отстаивал свою честь врача, учителя молодежи и университетского профессора. Достаточно будет двух ярких примеров.

В 1843–1848 гг. вышли из печати 12 выпусков прикладной анатомии Пирогова, в которых была послыно представлена топографическая анатомия верхней конечности, голени и стопы. Вскоре издатель официальной газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгарин обвинил Пирогова в плагиате у англичанина Чарльза Бэла. Академия наук, членом-корреспондентом которой Пирогов был избран в 1847 г., создала специальную комиссию для расследования этого дела. Все обвинения в плагиате были решительно отвергнуты. Булгарин извинился в письменном виде, и военный министр признал такое извинение достаточным. Однако Пирогов настаивал на судебном разбирательстве и обратился с письмом к попечителю академии Н. Н. Анненкову с подробным обоснованием просьбы о своей отставке: «...можно ли быть истинным врачом и хорошим наставником, не имея убеждений о высоком достоинстве своего искусства? А можно ли требовать этого убеждения от будущего врача, который, будучи учеником, видел унижение учителя в глазах света? Вот откровенное изложение причин, побуждающих меня оставить службу при академии».

После ознакомления с этим письмом военный министр пригласил Николая Ивановича к себе и уговорил его остаться в академии.

Другой эпизод произошел с главным врачом сухопутного госпиталя Д. Я. Лоссиевским, который в письменной форме указал Пирогову на большой расход йодной настойки. Николай Иванович незамедлительно объявил дежурному по академии генералу Веймарну, что тотчас подает просьбу об отставке, если этому вопиющему делу не будет дан ход. «На другой день утром, – писал Пирогов, – меня пригласили в контору госпиталя, и там разыгралась истинно позорная, и притом детски позорная, сцена. Лоссиевский в парадной форме, со слезами на глазах, дрожащим голосом и с поднятием рук к небу просил у меня извинения за свою необдуманность и дерзость, уверяя, что впредь он мне никогда не даст ни малейшего повода к неудовольствию... С тех пор Лоссиевский сделался тише воды, ниже травы, да, впрочем, через несколько месяцев он был перемещен в Варшаву». Да, когда дело касалось интересов науки или чести и достоинства профессора, у Николая Ивановича был крутой нрав.

В целом образ Н. И. Пирогова как талантливого учителя, воспитателя, наставника, профессора во многом способствовал формированию высокоуважительного и почетного положения врача, педагога и университетского преподавателя в российском обществе и государстве. Как нам сейчас не хватает нового Пирогова!